

О ПОЛОЖЕНИИ В БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
С Е С С И И
ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

31 июля — 7 августа 1948 г.

ОГИЗ — СЕЛЬХОЗГИЗ
Государственное издательство
сельскохозяйственной литературы

Москва — 1948

***Редакционная коллегия:
В. Н. СТОЛЕТОВ, А. М. СИРОТИН,
Г. К. ОБЪЕДКОВ***

мы осуществляем заветы великого корифея науки И. В. Мичурина, мечтавшего о выведении местных сортов для каждого района силами самих колхозников, вооруженных знанием советской биологической науки.

Открытие факта хорошей перезимовки яровой пшеницы при позднем осеннем посеве по стерне в Сибири породило и еще два очень важных открытия в современной биологии.

Первое. Урожай семян яровой пшеницы в результате поздне-осеннего посева по стерне полностью освобождается от пыльной головни. Как показали наши лабораторные исследования, грибки пыльной головни, развивающаяся в прорастающем семени яровой пшеницы, не выдерживает отрицательных температур, в то время как проростки яровой пшеницы хорошо выдерживают понижение температуры. Вот почему головня полностью погибает, а пшеница перезимовывает и дает хорошие урожаи. На протяжении последних трех лет в этих семенах не обнаружено также и твердой головни, фузариоза. Этот пример прекрасно показывает, с каким большим успехом можно использовать внешнюю естественную среду для дела улучшения сортов культурных растений.

Второе. Если семена яровой пшеницы, полученные от поздне-осеннего посева по стерне, на следующий год посеять весной в качестве яровой культуры по парам или зяби, то оказывается, как это и предполагал академик Лысенко, что они дают урожай, полностью свободный от пыльной головни и на 4—5 ц с гектара больше, нежели обычные семена этого же сорта.

Таким образом, открыт и разработан простой и доступный всем колхозам и совхозам способ обновления — улучшения породы семян яровой пшеницы и наиболее эффективный прием борьбы с пыльной головней.

Таков итог работы небольшой группы молодых ученых-мичуринцев, которые под руководством академика Лысенко выполняют тематику Академии в Сибири по разделу стерневых посевов озимых. (А п л о д и с м е н т ы.)

Академик П. П. Лобанов. Слово предоставляется доктору биологических наук И. Е. Глущенко.

И. Е. Глущенко (Институт генетики Академии наук СССР). Морганист Рапопорт пытался доказать, что, во-первых, морганизм — материалистическая наука и, во-вторых, отечественные морганисты, в своих взглядах далеки от зарубежных морганистов.

На этих двух вопросах я и хочу остановиться. Так ли на самом деле? Правду ли говорил здесь Рапопорт?

Как хорошо показал в своем докладе Президент Академии академик Т. Д. Лысенко, биологическая наука развивалась в

борьбе двух различных направлений, двух противоположных систем взглядов на сущность жизненных явлений. Это расхождение во взглядах отображает противоположность философских систем: идеализма и материализма.

Представители идеалистических воззрений в биологии — преформисты, виталисты — утверждают автономность жизненных процессов, невозможность их объяснения только естественными причинами. Мощным орудием в борьбе с разновидностями идеалистических воззрений служит учение Дарвина, которым, по определению Маркса, был «...не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 377).

Дарвин показал, что наблюдающаяся в органическом мире целесообразность объясняется действием естественных причин: изменчивостью, наследственностью и отбором, без всякого участия «потусторонних» сил. Любая попытка идеалистов объяснить целесообразность в природе неизбежно оказывается в резком противоречии с учением Дарвина. Не удивительно поэтому, что такой трибун дарвинизма, как К. А. Тимирязев, всю свою жизнь неустанно боролся с виталистическими учениями в биологической науке.

Неприемлемость для науки виталистических положений в настоящее время ясна подавляющему большинству советских ученых. Однако в завуалированном виде эти положения еще имеют хождение среди части биологов в нашей стране. К числу таких учений относится и менделевско-моргановское учение о наследственности.

Один из основных вопросов в биологии — это вопрос о характере связи развивающегося организма с условиями внешней среды.

Академик Лысенко с присущей ему проникновенностью показал, что жизненные процессы развивающегося организма можно рассматривать только во взаимосвязи с условиями существования. Те условия, которые в процессе индивидуального развития требует природа организма, обязательно участвуют в создании наследственности. Отсюда ясно, что изменения наследственных свойств организма могут идти только адекватно воздействию изменяющихся условий.

Сущность же морганистского учения сводится к утверждению автономности явлений наследственности, независимости их от условий жизни.

Морганисты утверждают, что так называемая хромосомная теория якобы подвела материальную базу под явления наследственности, что хромосомы могут быть названы материальной

основой наследственности. Подобного рода утверждения могут ввести неискушенного человека в заблуждение. На деле они представляют собой лишь попытки завуалировать истинную сущность морганистских воззрений.

Не лишнее в связи с этим указать, что один из виднейших представителей откровенного витализма Дриш полностью принимает для себя пресловутую «материализацию» явлений наследственности.

«Материальный субстрат явлений наследственности, — пишет Дриш, — как он выясняется из исследований в области менделизма, мы рассматриваем как *средство*, которым пользуется наш автономный фактор. Таким образом, между «менделизмом» и взглядом на наследственность как на автономный процесс нет никакого противоречия».

Справедливость требует отметить, что зарубежные представители морганистского направления откровенно заявляют, что они не имеют ничего общего с материализмом. Так, глава этого направления Т. Г. Морган в предисловии к одной из своих книг писал:

«Мне также известно, что пользование термином «механистический» (читай материалистический. — И. Г.) в свете последних достижений математической физики может подвергнуть мои взгляды осуждению в материализме..., но внимательное чтение текста, я надеюсь, до некоторой степени отведет от меня обвинения, предъявляемые иногда авторам с механистическим направлением».

Основное положение морганистов об автономности явлений наследственности находится в прямом противоречии с фактами, известными в биологической науке и практике. И у самих морганистов все больше накапливается таких фактов. В результате представители данного направления в биологии вынуждены спасать основу своей теории ценой изменения отдельных формулировок и построением новых гипотез (например, в последнее время модными стали гипотезы: геногормонов и плазмогенов). Именно этим объясняется некоторый крен части генетиков в сторону физиологии, признание биологической пользы гетерозиготности для организма и т. д. Но суть дела от этого, однако, не меняется. Морганисты упорно продолжают отрицать, что характер изменений наследственности соответствует индивидуальным отклонениям, возникающим в связи с условиями существования, т. е. остаются на прежней *автогенетической* концепции.

С каждым годом морганистам все труднее становится защищать свои идеалистические позиции. Овладевая наукой всех наук, марксистским диалектическим методом и накапливая экспериментальный материал, советские биологи разоблачают идеалистическую сущность морганистского учения.

Неодарвинисты утверждают, что проблема наследственности целиком сводится к состоянию и действию хромосом и содержащихся в них генов. Все исследовательские работы морганистов направлены на изучение ядерной наследственности клетки. Морганисты пренебрегают всеми другими компонентами клетки или оставляют за некоторыми из них лишь подчиненную ядерному веществу роль. Явление изменчивости не считается органическим следствием различия свойств наследственности, ее неотъемлемой стороной. Такая постановка проблемы наследственности далека от истины, не отображает действительного развития живого. Мы, советские генетики, знаем, что нельзя рассматривать природу «как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга...» Биологические процессы совершаются в природе, прежде всего, как «...связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом; зависят друг от друга и обуславливают друг друга» (И. В. Сталин, «О диалектическом и историческом материализме», Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 536).

Правильное построение генетики требует изучения и организма как целой макросистемы и клетки как целой микросистемы в организме. Это, разумеется, не исключает, а предполагает изучение отдельных процессов развития организма, отдельных структур клетки в общем процессе наследования.

Положение об автономности процесса наследственности, как уже говорилось, является разновидностью откровенного идеализма. Чтобы отвести от себя такое обвинение, морганисты ссылаются на работы Меллера по получению рентгено-мутаций у плодовых мух и, оправдывая подобные свои работы, говорят, что с применением рентгеновских лучей генетика преодолела свой автогенез. Это лишний раз подтверждает, что морганизм, принимая любое внешнее воздействие на организм (воздействие рентгеновскими лучами, колхицином) за условия его жизни, тем самым исключает биологию развития, исключает последовательность развития и усложнения наследственных свойств организмов.

Диалектика природы со всей очевидностью показывает биологам, что жизненные процессы включают в себя понятия внешнего, что ассимилируемые организмом внешние условия становятся внутренними. Отсюда мичуринской наукой сделан вывод, что онтогенетическое развитие накладывает свою печать на филогенез, т. е. что признаки, приобретаемые организмом в процессе развития, наследуются.

Большинство же генетиков, по разделяемому ими основному принципу относящиеся к неодарвинистам, с этим положением не согласны. Больше того, те исследователи, которые исходят в

своей работе из указанных выше методологических принципов, обвиняются в неоламаркизме.

Член-корреспондент Академии наук СССР Дубинин заявляет, что попытки биологов «направлять эволюцию организмов при помощи унаследования приобретенных признаков просто наивны...», ибо «...ни о каком соответствии между реакцией организма в развитии на данный мутативный фактор и между характером вызванных мутаций не может быть и речи». По его определению, эти наивные взгляды не что иное, как механоламаркизм.

Несколько месяцев тому назад на совещании по обсуждению проекта программы по генетике и селекции, созванном Министерством высшего образования, профессор Харьковского сельскохозяйственного института Л. Н. Делоне выступил с подобными же утверждениями. На мой вопрос: «Признаете ли вы наследование благоприобретенных признаков?» я и вся аудитория получили четкий ответ: «Нет, не признаю».

Таковы позиции морганистов в их отношении к одному из кардинальных вопросов эволюционного процесса.

Надо отметить, что неodarвинисты как в прошлом, так и сегодня пытались и пытаются противопоставить Дарвина Ламарку. По этому поводу еще в 1908 г. К. А. Тимирязев писал:

«Мне уже не раз (в течение почти сорока лет) приходилось указывать на несостоятельность этого противопоставления Ламарка Дарвину. Если Дарвин отзывался резко о Ламарке, то лишь по отношению к его неудачной попытке — привлечь, в качестве объяснений формы, психические, волевые акты самого животного, и в этом был, как показало все последующее движение науки, совершенно прав. Зависимость же форм от среды, т. е. ту часть учения Ламарка, которая сохранила все свое значение, Дарвин признавал с самых первых шагов (вспомним его первый набросок в записной книжке 1837 г.) и чем далее, тем более придавал ей значение. Только соединение *этой стороны* ламаркизма с дарвинизмом и обещает полное разрешение биологической задачи» (К. А. Тимирязев, Предисловие к книге Ж. Константена «Растения и среда». Изд. журн. «Русская мысль», 1908 г., стр. XI).

Эти тимирязевские указания для нас, советских биологов, являются как бы завещанием, и мы должны руководствоваться ими.

По данному вопросу нам, биологам, следует руководствоваться диалектическим учением о формах движения и о месте в этом учении того направления в науке, которое именуется ламаркизмом. Еще в 1906 г. товарищ Сталин писал:

«Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, **количественные**, изменения в

конец концов приводят к большим, **качественным**, изменениям, — то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы. Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неodarвинизм» (И. Сталин, «Анархизм или социализм?», Соч., т. I, стр. 301).

Не выдерживает критики учение неodarвинистов и о мутационном процессе в природе, как явлении беспричинном и ненаправленном.

Если принять во внимание, что «мутационный процесс не направлен в отношении закономерностей развития особи и создает огромное число вредных, разрушающих развитие особи наследственных изменений» (Дубинин, 1937 г.), то становится ясным, что эволюция зашла в тупик (к счастью, только в теоретических представлениях морганистов).

Даже неискушенный в тонкостях экспериментальной науки слушатель видит, как велико расстояние между подобного рода утверждениями некоторой части биологов и диалектическим методом. Диалектический метод учит о направленности процесса развития, ибо этот процесс — движение поступательное, характеризующееся переходами от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему.

Исключив развитие из природы, неodarвинистам ничего не остается, кроме того, как признать старую теорию преформации. И об этом теоретики данного направления откровенно заявляют.

«Структура комбинаций... хромосом-молекул в зиготе, — писал в 1936 г. Кольцов, — предопределяет признаки развивающегося из зиготы индивидуального фенотипа, как морфологические (рост, окраска, структурные особенности), так и физиологические (тип обмена веществ, темп роста, плодовитость, особенности темперамента). В этом смысле мы можем определенно утверждать, что современная генетика вполне подтверждает старую теорию *преформации*». Это утверждение Кольцова ставит точку над «i» и откровенно формулирует взгляды, разделяемые всеми морганистами.

Итак, методологические пороки современного морганизма свидетельствуют о том, как далеко это течение от объективной истины в познании становления живого.

Экспериментальный материал отдельных генетиков-морганистов показывает тупик морганистской теории. Работы морганистов по изучению генетики пестролистности и явлений плазматич-

ческой наследственности показывают порочность логического отрыва части от целого и абсолютизации частного.

Не менее сильный прорыв в концепции морганизма создан последними исследованиями по получению направленных мутаций у пневмококков, кишечной палочки и других микроорганизмов, с которыми развернута интенсивная работа как у нас, так и за границей.

Совершенно необъяснимой для морганистов остается группа работ, например, по генетике мыши, в частности те факты, когда восприимчивый к раку молодняк, выкормленный иммунными самками, обнаружил значительно большую по сравнению с нормой устойчивость к этой болезни, причем этот частичный иммунитет передавался потомству.

Самой большой силой, раскрывающей неправоту хромосомной теории наследственности, явились эксперименты из области гибридизации растений путем прививки. Здесь об этом говорили многие.

Академик Т. Д. Лысенко показал, что основой направленной изменчивости при вегетативной гибридизации является нарушение нормы и характера обмена веществ. А нам известно, что «из обмена веществ», как учит Энгельс, «посредством питания и выделения, — обмена, составляющего существенную функцию белка, — из свойственной белку пластичности вытекают все прочие простейшие факторы жизни» (Энгельс, «Анти-Дюринг», 1948 г., стр. 78).

Изменение процесса ассимиляции путем прививок влечет за собой изменение других процессов, в том числе и наследственности. Именно таким образом происходит нарушение старой и становление новой формы реакции того или другого организма.

В правоте сказанного убеждают многочисленные наши эксперименты и других исследователей-мичуринцев по получению вегетативных гибридов, где, изучив закономерности развития определенных растений, экспериментаторы управляют процессами ассимиляции, а отсюда и построением определенного заданного типа наследственности.

Неодарвинисты как в прошлом, так и в настоящем, исходя из беспочвенных утверждений о независимости ядра клетки от процессов жизнедеятельности всего организма, иными словами, независимости наследственности от изменения типа обмена веществ, нацело отрицают реальность прививочных гибридов.

Достаточно будет указать на последние выступления таких зарубежных генетиков, как Денн, Добжанский, Гольдшмидт, Штерн, Сакс и их последователей в СССР — Дубинина, Жебрака, Ромашова, Хвостовой и других.

Отказ в признании реальности прививочных гибридов не делает чести современным неodarвинистам, ибо такие гибриды получены, они реально существуют и со всей убедительностью раскрывают ошибочность методологических основ морганизма.

Вегетативная гибридизация в процессе познания законов наследственности создает промежуточное звено между явлениями половой гибридизации и, присущей всему живому, изменчивостью наследственности организма под влиянием жизненных условий.

Метод и экспериментальная часть вегетативной гибридизации показывают порочность попыток отрыва части от целой системы, где протекают все биологические процессы, в том числе и явления изменения наследственности.

Ныне на отрицании вегетативных гибридов особенно активно настаивают представители неodarвинизма за рубежом, в связи с переводом на английский язык работы академика Т. Д. Лысенко «О наследственности и ее изменчивости», в которой изложены теоретические основы вегетативной гибридизации.

В широко развернувшейся, особенно за рубежом, дискуссии ясно видны три тенденции. Одни авторы используют дискуссию для выступлений, преследующих далеко не научные, а только политические, враждебные цели (Сакс); другие, положительно относясь к многим экспериментам академика Лысенко и его сотрудников, отрицательно относятся к мичуринским генетическим положениям (Денн); наконец, третьи отрицают и теоретические положения и экспериментальные данные (Добжанский).

В этом отношении особенно показательное выступление врага Советской страны Добжанского, который является большим авторитетом для наших морганистов, часто ими цитируется, приводится в списках литературы. Здесь не представляет исключения и академик Шмальгаузен. В своей книге «Факторы эволюции» для Тимирязева, Мичурина и мичуринцев он не нашел места, но зато широко представил Добжанского. Так вот этот же Добжанский считает, что генетика не следует даже ставить экспериментов для проверки положений мичуринской генетики. «Некоторые лица, — пишет Добжанский, — будут, по всей вероятности, удивляться, почему генетики не стремятся немедленно повторять эти опыты. Ответ достаточно прост. Движение науки вперед сильно нарушалось бы, если бы все ученые прерывали свою работу каждый раз, как только кто-либо опубликовывал свои сомнительные утверждения». Не трудно понять из этого заявления, что добжанские никогда не имели ничего общего с наукой. Они боятся подлинной науки. Они боятся даже мысли о постановке мичуринских экспериментов, так как они не могут быть спокойными за свою морганистскую основу.

Наука знает достаточное количество примеров, когда подобного рода «политика» в науке приводила к ее деградации и маразму.

В настоящее время мы свидетели такого состояния менделевско-моргановской генетики за рубежом. Сегодня менделизм-морганизм является слугой своего класса, класса милитаристской буржуазии. Именно современный морганизм является средством в арсенале капиталистического мира для «онаучивания» методов своей экспансии. Зарубежная генетическая литература полна такого рода статей: «Перенаселение как мировая проблема», «Дьявольский тупик (проблема перенаселения)», «Игра судьбы», «Политико-генетика», «Естественный отбор и рождаемость» и т. п. В этих статьях авторы (невзначай для наших менделистов) открыто признают учение Мальтуса, проповедают мальтузианство как науку. Исходя из этого, они требуют ограничения рождаемости в Индии, Порто-Рико и других колониальных странах, одновременно проявляя подозрительный интерес к состоянию рождаемости у нас и у всех славянских народов. Они боятся высокой рождаемости в этих странах,

Главный редактор «The Journal of Heredity» Кук в 1945 г. писал: «Любая организация мира, которая будет утверждена Большой Пятеркой и пятьюдесятью малыми странами, будет представлять собой лишь фундамент с большими трудами воздвигнутого здания взаимного понимания и сотрудничества... Но за красивыми словами и большими надеждами вдали вырисовывается одна проблема, настолько жуткая и сложная, что мы предпочитаем игнорировать ее. Это вопрос о перенаселении... Несмотря на «презрительное» отношение некоторых мыслителей, она все же остается зловещей тенью нашего будущего».

Кук заключает свою статью выводом: «Чтобы разрубить гордиев узел этого поразительного парадокса, потребуются чрезвычайные меры социального порядка».

Какие же меры должны быть приняты? На этот вопрос отвечает английский генетик Фаусет. Его ответ сводится к тому, что если не будет введен контроль над рождаемостью, человечеству остается только одно — «апеллировать к древней троице: войне, болезням и голоду».

Для господствующего же класса, который не должен знать ограничения ни в чем, в том числе и рождаемости, рекомендуется кое-что и другое.

Американский генетик Райф написал книгу «Игра судьбы. (Введение в изучение наследственности человека и расовой изменчивости)», а Добжанский в журнале «Science» поместил рецензию на эту книгу. И автор и рецензент ставят задачу перед генетикой помочь в переработке генотипа представителей правя-

щего класса с тем, чтобы приспособить его «к различным формам организации общества и к различным общественным положениям внутри него. Такая стабильность, однако, не имеет места, и для нашей западной цивилизации особенно характерна быстрая трансформация. При падении империй, когда правящие классы оказываются низвергнутыми, горе бывает уделом их членов, если они быстро не изменят свое поведение. Поэтому в эволюции психических свойств человека может ожидаться только такая устойчивая генетическая тенденция, а именно, что будут отбираться генотипы, которые допускают все большую и большую пластичность и все меньшую и меньшую устойчивость индивидуальных особенностей. В конце концов, эта тенденция приведет к тому, что генотипические различия в индивидуальных свойствах сделаются несущественными по сравнению с их фенотипической пластичностью. Это не должно быть истолковано таким образом, что человечество имеет тенденцию стать генотипически однообразным. Тенденция эволюции направлена не к генотипическому однообразию, но к фенотипической пластичности. Естественный отбор благоприятствует больше всего способности быстро приспосабливаться к обстоятельствам, которые изменяются не только изо дня в день в современном обществе, но с минуты на минуту. Генотипические различия могут сохраниться, если они будут затушеваны фенотипической пластичностью»... (Добжанский, рецензия на книгу Райф «Игра судьбы»).

Обоснование расизма, евгеника — вот что привлекает внимание современной моргановской генетики.

Это стремления, чаяния не отдельных буржуазных биологов. Этими идеями пронизана вся так называемая «международная ассоциация генетиков».

В июле сего года состоялся восьмой международный генетический конгресс. Мы еще не знаем его итогов. Но не так давно в «The Journal of Heredity» уже была опубликована информация о подготовке к съезду, его характере.

Согласно этой информации, сфера работ конгресса следующая: «Организационный комитет постановил исключить из плана работ конгресса доклады, целиком посвященные приложению генетики к практическому животноводству и растениеводству.

Животноводы имеют свои собственные международные конгрессы, и их-то и следует рассматривать как место для таких докладов...

Содержание докладов по генетике человека никаким ограничениям не подлежит.

Программа работ конгресса еще не установлена. Организационный комитет постановил на данный момент объявить только одну специальную секцию, а именно Секцию Генетики человека»...

Все это показывает, кому и чему служит менделевско-моргановская генетика. Устроителей конгресса и их хозяев не интересуют проблемы селекции и способы повышения продуктивности сельскохозяйственных растений и животных. Евгеника — вот главный объект их забот и место приложения их выводов.

Таков характер логического развития и сегодняшнего состояния «мировой генетики», перед которой преклоняются наши отечественные морганисты. А ведь не дальше как два года тому назад наш морганист профессор Жебрак в журнале «Science», обращаясь к реакционеру Саксу и им подобным, писал: «Вместе с американскими учеными, мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба».

Только в прошлом году член-корреспондент Академии наук СССР Дубинин в том же журнале «Science» осветил нам, кто эти генетики и чем они занимаются.

Воспевая достижения «мировой генетики», в частности работы наших заклятых врагов (Добжанского, Тимофеева-Рессовского, а также морганистов Стертеванта, Гордона и других), Дубинин считает, что наши отечественные морганисты не отстают от зарубежных, а во многом идут впереди.

Воспевая работы наших и зарубежных морганистов, Дубинин вычеркнул из истории генетики Мичурина и мичуринцев. Для него таковые не существуют.

Мичуринцы гордятся тем, что им не по пути с Дубининым, Жебраком, Шмальгаузенем. Но мичуринцы ставят вопрос:

Доколе же вы, исповедующие лженауку, вы, популяризаторы и оруженосцы ее, не поймете, что пути советского ученого и зарубежных проповедников идеализма в биологии совершенно противоположны и никогда не примиримы?

Сегодня, после доклада академика Лысенко, вы теряете мужество в защите идеализма. Наберитесь же мужества признать свои ошибки и сказать во весь голос, что вы ошибаетесь.

Выступление Рапопорта говорит, что морганисты, сохраняя старую свою основу, перекрашиваются. Происходит очередная мимикрия. (А п л о д и с м е н т ы.)

Академик П. П. Лобанов. Объявляю перерыв до вечера.

(Заседание закрывается.)

СОДЕРЖАНИЕ

Заседание первое

Доклад академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке» 7

Заседание второе

Речь М. А. Олышанского	42
» И. Г. Эйхфельда	52
» И. В. Якушкина	58
» С. И. Исаева	65
» Н. Г. Беленького	72
» П. Н. Яковлева	84
» П. Ф. Плещецкого	88
» И. А. Минкевича	94

Заседание третье

Речь Н. И. Нуждина	99
» Н. М. Сисакяна	107
» С. Г. Петрова	113
» С. С. Перова	117
» В. П. Бушинского	125
» И. А. Рапопорта	130
» Г. А. Бабаджаняна	135

Заседание четвертое

Речь А. А. Авакяна	145
» А. П. Водкова	153
» З. Я. Белецкого	159
» Е. И. Ушаковой	163
» Г. П. Высокоса	171
» И. Е. Глущенко	181

Заседание пятое

Речь И. И. Хорошилова	192
» Д. А. Долгушина	204
» В. А. Шаумяна	211
» М. Б. Митина	221
» Е. М. Чекменева	235
» А. В. Пухальского	243

Заседание шестое

Речь Ф. М. Зорина	250
» Л. К. Гребень	254
» В. С. Дмитриева	259
» К. Ю. Кострюковой	269
» С. Н. Муромцева	277
» Б. М. Завадовского	281

Заседание седьмое

Речь Ф. А. Дворянкина	303
» Н. И. Фейгинсона	312
» А. В. Крылова	320
» Б. А. Рубина	329
» Ф. К. Тетерева	335

Заседание восьмое

Речь В. М. Юдина	340
» П. П. Лукьяненко	347
» А. В. Михалевича	351
» С. И. Алиханяна	358
» И. М. Полякова	370
» П. М. Жуковского	383
» А. Р. Жебрака	393
» Н. В. Турбина	401

Заседание девятое

Речь И. И. Шмальгаузена	412
» И. Н. Симонова	418
» С. Ф. Демидова	423
» Д. А. Кисловского	435
» И. Ф. Василенко	446
» А. Н. Костякова	453
» П. П. Лобанова	458
» В. С. Немчинова	469
» В. Н. Столетова	476
» И. И. Презента	486

Заседание десятое

<i>Заключительное слово академика Т. Д. Лысенко</i>	512
Заявление П. М. Жуковского	523
» С. И. Алиханяна	525
» И. М. Полякова	526
<i>Письмо товарищу И. В. Сталину от сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина</i>	529
<i>Постановление сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по докладу академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке»</i>	532

Ответственный за выпуск *И. М. Скворцов*

Технический редактор *А. Ф. Федотова*

Подписано к печати 21/VIII 1948 г. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. В 1 печ. л. 42000 экз.
33,5 п. л. 34,02 уч.-изд. л. А06876. Тираж 200 000 экз. Цена 12 руб. Заказ № 8212

1-я Образцовая типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Валуевая, 28.